

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

Научная статья

УДК 343.847«1941/1945»

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.374-388

К ВОПРОСУ О ТРУДОВОЙ МОБИЛИЗАЦИИ ПОВОЛЖСКИХ НЕМЦЕВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Юрий Арсенович Реент¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, reent2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8378-6106>

Аннотация. В статье освещается ряд исторических событий, связанных с внесудебным ограничением и лишением свободы некоторых категорий лиц по национальному признаку в условиях военного времени. На архивных документах, затрагивающих данную тематику, долгое время стоял гриф секретности, что до сих пор снижает степень информированности о них широкой научной общественности. Методологическая основа работы базируется на историко-правовых и общенаучных системно-синергетических подходах, а также на принципах историзма и междисциплинарности. Цель статьи состоит в выявлении режима содержания и использования немцев Поволжья в качестве мобилизованных в трудовые колонны и лагеря НКВД СССР. Материалы исследования подтверждают, что основными задачами, поставленными перед руководством учреждений ГУЛАГа, являлись содержание в изоляции советских граждан немецкой национальности в связи с подозрением в антисоветской деятельности, а также активное использование их в качестве фактически бесплатной рабочей силы. При этом выясняется, что трудовой вклад этой категории граждан СССР был значительным и несколько не уступал другим категориям трудящихся, но последствия депортации стали более тяжелыми. Предлагаемые материалы и выводы могут быть интересны историкам, правоведам, политологам, а также специалистам пенитенциарной системы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, исправительно-трудовая система СССР, принудительная депортация, АССР немцев Поволжья, социально-правовое положение мобилизованных в трудовые отряды, НКВД СССР

Для цитирования

Реент Ю. А. К вопросу о трудовой мобилизации поволжских немцев в годы Великой Отечественной войны // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 1(1–4), № 3. С. 374–388. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.374-388.

TIME LENS

Original article

ON THE ISSUE OF LABOR MOBILIZATION OF VOLGA GERMANS IN THE YEARS THE GREAT PATRIOTIC WAR

Jurij Arsenovich Reent¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, reent2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8378-6106>

Abstract. The article highlights a number of historical events related to the extrajudicial restriction and deprivation of liberty of certain categories of persons on the basis of nationality in wartime conditions. Archival documents concerning this subject have been classified for a long time, which still reduces the degree of awareness of the general scientific community about them. The methodological basis of the work is based on historical-legal and general scientific system-synergetic approaches, as well as on the principles of historicism and interdisciplinarity. The purpose of the article is to identify the regime of detention and use of Volga Germans as mobilized in labor columns and camps of the NKVD of the USSR. The research materials confirm that the main tasks assigned to the leadership of the GULAG institutions were the isolation of Soviet citizens of German nationality due to suspicion of anti-Soviet activities, as well as their active use as virtually free labor. At the same time, it turns out that the labor contribution of this category of citizens of the USSR was significant and in no way inferior to other categories of workers, but the consequences of deportation became more severe. The proposed materials and conclusions may be of interest to historians, jurists, political scientists, as well as specialists of the penitentiary system.

Keywords: The Great Patriotic War, the correctional labor system of the USSR, forced deportation, the ASSR of Volga Germans, the social and legal status of those mobilized into labor detachments, the NKVD of the USSR

For citation

Reent, Ju. A. 2023, 'On the issue of labor mobilization of Volga Germans in the years The Great Patriotic War', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 3, pp. 374–388, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).3.374-388.

Высокий интерес российского общества к собственной истории во многом объясняется переменами, происходящими в жизни нашего государства. Обращение к прошлому продиктовано стремлением найти в нем ответы на разнообразные вопросы современности, в том числе попытаться оценить имеющийся, но нередко забытый и неоднозначный опыт организации, поддержания правопорядка в экстремальных условиях. В целом через призму истории, возможно, легче понять современные направления развития. Осмысление имеющегося опыта карательной политики является необходимым элементом, сопутствующим любым серьезным социальным реформам. Представляется естественным, что значительный интерес может вызвать законодательная и правопримени-

тельная практика военного времени, опыт деятельности силовых органов в условиях радикальных преобразований, кризисных ситуаций в обществе и государстве. В этой плоскости можно рассмотреть и элементы пенитенциарной системы, действовавшие в условиях Великой Отечественной войны.

Так исторически сложилось, что среди многих народов, вошедших в состав населения государства Российского, но не имевших там собственной аборигенной территории, оказались немцы. Первые группы переселенцев появились тут еще в правление Ивана Грозного, а при императрице Екатерине II этот процесс приобрел массовый характер. Будучи в основе своей людьми трудолюбивыми и хорошими профессионалами в различных областях, они оказались востребованными на новой родине, где быстро прижились, но не потеряли национальной идентичности. После Октябрьской революции 1917 г. советское правительство, несмотря на лишь недавно завершившуюся Первую мировую войну, отнеслось к российским немцам вполне лояльно. Уже в октябре 1918 г. была создана Область немцев Поволжья, а на основании постановления Политбюро ЦК РКП(б) от 13 декабря 1923 г. учреждается Автономная область немцев Поволжья, преобразованная позже в Автономную Социалистическую Советскую Республику немцев Поволжья¹. Начало Второй мировой войны заставило вновь обратиться к вопросам национальных взаимоотношений.

Оценивая многообразие вышедших по данной проблематике публикаций, степень ее разработанности сложно назвать достаточной. Доперестроечный период в отношении научного и литературного освещения вопросов депортации народов в той или иной степени характеризовался очевидной тенденцией к идеологизации и запретам. Реализация политики «гласности» позволила поднять активность исследователей. Так, в сборнике «Советские немцы: история и современность» (М., 1989) подавляющее число статей нацелено на данную тематику. Среди них можно назвать публикации Л. Г. Агарышева и Н. В. Бибарсовой «Патриотический труд советских немцев на предприятиях Урала в годы Великой Отечественной войны», Э. Ф. Айриха «Советские немцы в трудармии», В. Дайнеса «Участие советских немцев в защите социалистического Отечества», М. П. Лайгера «Из истории советских немцев в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие (На материалах Казахстана)» и др.

Вторая «волна» публикационной активности пришлась на тяжелые 90-е годы прошлого века, когда страну охватила безработица, давил криминальный пресс. В этот период объединенная Германия, испытывавшая демографический кризис, активно заманивала «советских» немцев возвратиться на землю древних предков. Действенным психологическим подспорьем могли стать воспоминания о тяготах и лишениях, выпавших на долю представителей этой нации в годы военных испытаний. В научно-литературной сфере появились сборники «Немецкий российский этнос: вехи истории» (М., 1994), «Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект» (М., 1998), «Российские немцы в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности» (М., 1999), «Наказанный народ: репрессии против российских немцев» (М., 1999); отдельные издания: А. А. Герман «Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Часть 2. Автономная республика. 1924–1941» (Саратов, 1994; переиздана в Москве в 2007 г.) и др.

¹ См.: Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 20 февраля 1924 г. «Об Автономной Социалистической Советской Республике немцев Поволжья» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1961.htm (дата обращения: 18.01.2023).

Позже увидели свет труды как оставшихся в России немцев: двухтомная «Книга памяти немцев-трудоармейцев Богословлага: 1941–1946» (М.; Нижний Тагил, 2008), так и уехавших репатриантов: В. Дизендорф, Я. Гербер (V. Diesendorf, J. Gerber) «Katharinenstadt-Baronsk-Katharinograd-Marxstadt-Marx: Das Schicksal einer riesigen deutschen Kolonie an der Wolga» (Deutschland, 2005). Имеются и диссертации, например: А. А. Шадт «Спецпоселения российских немцев в Сибири, 1941–1955 гг.» (Новосибирск, 2000), материалы международных научных конференций: «Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности» (Саратов, 14–19 сентября 2004 г.); «Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет» (Саратов, 26–28 августа 2011 г.) и др.

И наконец, значительный архивный материал опубликован в 3-м томе известного сборника документов «История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Экономика ГУЛАГа» (отв. ред. и сост. О. В. Хлевнюк. М., 2004). Тем не менее география большинства из этих публикаций чаще всего ограничена местами компактного проживания оставшихся в России и Казахстане немцев, а также документами и изданиями Мюнхенского института Восточной Европы, выходящими на русском, немецком и английском языках. Для нас особо важно, что подавляющее большинство из этих авторов беспристрастны в оценках прошедших событий, более того, многие из них нацеливают своих читателей на взаимопонимание и толерантность во взаимоотношениях с представителями многочисленных народов России.

В целом к началу 1941 г. в СССР проживало более 1,5 млн этнических немцев. В АССР немцев Поволжья насчитывалось лишь 365,7 тыс. чел. условно коренных жителей, что составляло 60,5 % от всего населения региона. Начало Великой Отечественной войны вынудило руководство страны вновь обратиться к проблеме «инородцев». В силу этого для недопущения «нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий» было принято решение принудительно переместить их в другие регионы [1, с. 68]. Отчасти одним из поводов к этому стало распоряжение командующего 11-й германской армией генерал-полковника Э. фон Шоберта, заявившего о защите и поддержке этнических немцев, проживавших на территории СССР, с целью использования их в местных оккупационных администрациях.

Встречается мнение, будто возрождение опыта «Трудармии» произошло с принятием Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1941 г. «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР». Действительно, документ предусматривал подвергать аресту, проживавший среди немецкого населения «антисоветский элемент», а оставшихся мужчин в возрасте от 16 до 60 лет направлять в строительные батальоны. Удалось быстро мобилизовать 18 600 человек, направив их в Ивдельлаг, Соликамбумстрой, Богословстрой и Кимперсайлаг¹. Однако еще раньше аналогичную судьбу предрекли немцам Поволжья. Закреплено данное положение было Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» (рис. 1). В нормативном документе подчеркивалось, что велика вероятность наличия скрытых врагов советской власти среди этой категории населения (рис. 2).

За сутки до этого вышел особо секретный приказ НКВД СССР № 001158 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Республики немцев По-

¹ См.: О немцах, проживающих на территории Украинской ССР : Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1941 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 6.

волжья, Саратовской и Сталинградской областей». Согласно ему, для их депортации было выделено до 5 тыс. сотрудников НКВД и 10 тыс. солдат. Операцией, проходившей с 3 по 20 сентября, руководили заместитель наркома внутренних дел И. Серов и заместитель начальника конвойных войск М. Кривенко. Каких-либо фактов организованного сопротивления не выявлено. С одной стороны, в определенной мере это связано с хорошей организацией мероприятия. Депортируемым разрешили взять с собой личное имущество и продовольствие общим весом до 1 т на семью. При передислокации они получали бесплатно горячее питание два раза в сутки и 500 г хлеба на человека. С другой стороны, они оставляли свои дома, хозпостройки, скот, за неявку на призывные или на сборные пункты для отправки виновные привлекались к уголовной ответствен-

срочит возврату в течение 24 часов (Пост. ПБ ЦК от 5.V.27 г., пр. № 100, п. 5)
2-ю часть Особого Сектора ЦК

СТРОГО СЕКРЕТНО
(из о. п.)

Союзная Коммунистическая Партия (большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ ПЗ5/1

Членам и кандидатам Политбюро ЦК ВКП(б):
т.т. Андрееву, Берия, Вознесенскому, Ворошилову,
Жданову, Кагановичу, Калинин, Маленкову,
Микояну, Молотову, Сталину, Хрущеву,
Швернику, Щербакову, *Тадисеву.*

6. августа 1941 г.

Выписка из протокола № 35 заседания Политбюро ЦК от 26 августа 1941 г.

Решение от 26.Уш.41г.

1. - О переселении немцев из республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей.
(Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)).

Совет Народных Комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Переселить всех немцев из республики Немцев Поволжья и из Саратовской и Сталинградской области общей численностью 479.841 человек в следующие края и области:

Красноярский край	-	75.000 чел.
Алтайский край	-	95.000 "
Омская область	-	85.000 "
Новосибирская область	-	100.000 "
Казахская ССР	-	125.000 "

в том числе:

Семипалатинская область	-	18.000 "
Акмолинская область	-	25.000 "
Северо-Казахстанск. обл.	-	25.000 "
Кустанайская область	-	20.000 "
Павлодарская область	-	20.000 "
Восточно-Казахстанск. обл.	-	17.000 "

Переселению подлежат все без исключения немцы, как жители городов, так и сельских местностей, в том числе члены ВКП(б) и ВЛКСМ.

2. Руководство переселением возложить на НКВД СССР. Предоставить НКВД СССР право привлекать к работе по переселению Наркомзем, Наркомсовхозов и Переселенческое Управление при СНК СССР в центре и их органы на местах

(см. 2 стр.)

Рис. 1. Решение ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. № 35 «О переселении немцев из республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей»

ности с рассмотрением дел на Особом Совещании вплоть до применения расстрела. Так, более полумиллиона немцев, проживавших в Поволжье, в кратчайшие сроки были перемещены в Сибирь и Среднюю Азию [2].

Следует отметить, что до последнего момента у местного населения не возникало подозрений, что их планируют внезапно выселить и приравнять к осужденным. Напротив, велась активная пропаганда, нацеливавшая на повышение производительности труда по месту жительства. В местных газетах отмечались успехи рабочих и крестьян, организовавших свой труд «по-стахановски». Местное партийное руководство докладывало: «На 1 августа 1941 г. по республике 1707 женщин заменили на производстве мужчин, ушедших на фронт. Из них 392 – вернулись на работу в качестве трактористок,

Рис. 2. Выпуск газеты «Большевик» от 30 августа 1941 г. с указом о депортации (г. Энгельс)

215 – в качестве комбайнеров и штурвальных, 14 – в качестве шоферов. Работницы и инженерно-технический состав фабрики имени К. Либкнехта в г. Бальцере работали в выходной день и всю заработанную сумму – 10 770 руб. передали в фонд обороны. Колхозники колхоза им. Сталина Лизандергейского кантона собрали для раненых бойцов госпиталя в г. Энгельсе по одному центнеру масла и молока, три центнера мяса, 50 кг сыра. Широкое распространение получило донорство. Если до войны в Бальцерском кантоне было всего 4 донора, то к августу 1941 г. их стало 1005. В августе кровь сдали: в Энгельсе – 470 доноров, в Шиллинге – 233, в Байдеке – 255, десятки и сотни людей в других населенных пунктах»¹ [5].

Кроме того, Постановлением Государственного комитета обороны (далее – ГКО) от 10 января 1942 г. № 1123сс предписывалось направить на принудительные работы в подчинение структур Народного комиссариата обороны СССР приблизительно 120 тыс. немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет из числа выселенных в Красноярский и Алтайский края, Новосибирскую и Омскую области и Казахскую ССР. Согласно приказу главы НКВД СССР Л. П. Берия от 12 января 1942 г. № 0083 при исправительно-трудовых лагерях НКВД началась организация трудовых отрядов из мобилизованных немцев. Первоначально 80 тыс. чел. распределили по 8 учреждениям: Ивдельлаг, Севураллаг, Усольлаг, Вятлаг, Усть-Вымлаг, Краслаг, Бакаллаг и Богословлаг. Последние два лагеря предназначались исключительно для мобилизованных немцев. Позже определились новые территории, где осуществляли их трудовую мобилизацию. Постановлением ГКО от 7 октября 1942 г. № 2383сс возрастные рамки для мужчин немецкой национальности расширились от 15 до 55 лет, а также вводилась мобилизация для женщин в возрасте от 16 до 45 лет².

Следует отметить, что основным пользователем трудовых ресурсов из числа мобилизованных немцев выступал ГУЛАГ, но значительное их число прошло и через Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР (ГУПВИ). В компетенцию одного из двух его управлений с 20 февраля 1945 г. по 30 января 1946 г. входила организация деятельности 220 рабочих батальонов интернированных и мобилизованных немцев [3, с. 163]. В соответствии с Постановлением ГКО СССР к принудительным работам должны были привлекаться советские граждане немецкой, финской и румынской национальностей. За период с 1942 по 1944 год для этих категорий населения были применены несколько мобилизаций. Как правило, их направляли на важнейшие стройки, подведомственные НКВД СССР, но не являлось редкостью и распределение на предприятия других наркоматов. «Всего за данный период было мобилизовано свыше 400 000 человек, из которых 220 000 направлено для трудового использования в системе НКВД и 180 000 – на объекты других наркоматов» [4, с. 138].

По другим источникам, «в военный период в рабочих колоннах НКВД СССР находилось 150 300 чел., из них 31 600 – бывших заключенных, осужденных за прогулы, самовольное покидание места работы и преступления небольшой степени тяжести; 92 000 – этнических немцев, граждан СССР; 2400 – финнов; 3200 – румын; 300 – венгров; 100 – итальянцев; 4500 – болгар; 3200 – греков; 1000 – корейцев; 5000 – крымских

¹ Докладная записка первого секретаря обкома ВКП(б) АССР НП С. Малова на имя И. В. Сталина от 31 июля 1941 г. // История немцев России. URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/21/34> (дата обращения: 04.02.2023).

² См.: О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР : Постановление Государственного комитета обороны СССР от 7 октября 1942 г. № 2383сс // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. Д. 61. Л. 138-140.

татар; 1700 – калмыков; 800 – молдаван; 4500 – лиц прочих национальностей»¹. На наш взгляд, такое несоответствие цифр отчасти вызвано тем, что в последнем случае не попали под учет лица, мобилизованные после завершения Великой Отечественной войны. Есть определенные сомнения и в точности проводившегося учета, вызванного передачей этой категории перемещенных граждан в распоряжение ведомств, не входивших в состав НКВД.

И все же глубоко заблуждаются те, кто оценивает данные мероприятия всего лишь как разновидность массовой административной высылки. Реальный статус перемещенных граждан немецкой национальности существенно изменился, поскольку уже с 1942 г. все, достигшие совершеннолетия, должны были направляться в рабочие колонны при исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР. Считается, что немцев, как правило, не могли призывать в действующую армию, поэтому проведение трудовой мобилизации иногда преподносят как неизбежную альтернативу. На деле все обстояло не совсем так, поскольку в начале войны в Красной Армии проходило службу не менее 30 тыс. этнических немцев. К концу войны звание Героя Советского Союза получили не менее 7 из них.

Что же касается состава трудовых отрядов из мобилизованных немцев, то в среднем каждый насчитывал по 1500–2000 чел. Они подразделялись на построенные по производственному принципу колонны численностью от 250 до 500 чел. Последние состояли из бригад, включавших в себя 35–100 чел. в возрасте от 17 до 50 лет. Руководили ими назначаемые лагерным руководством бригадиры-мастера, как правило, из специалистов немцев.

Специфика социально-правового положения депортированных состояла в том, что они не могли расселяться как местные жители в частном или государственном жилом фонде. Фактически такой подход разбивал семьи, оставляя детей без кормильцев. Мобилизованные немцы должны были находиться на казарменном положении. Каждая колонна размещалась в одном из бараков, поддержание порядка в которых осуществляли, как правило, лица, освобожденные от тяжелого физического труда. Особенность такого проживания состояла в том, что вокруг этих бараков устанавливали ограждение, границы которого находились под надзором военизированной охраны ГУЛАГа. Внутри зоны допускалось свободное перемещение, содержались немцы изолированно от заключенных, находившихся в лагере. Выход за пределы зоны разрешался только в дневное время по особым пропускам или в строю, как правило, под облегченным конвоем. При этом формально устанавливалось, что на работу «идут строем под командой начальника колонны или другого командира. Колонны в пути на работу, на работе и при возвращении в зону не охраняются»².

Однако местное командование предпочитало перестраховываться и выделяло вооруженных конвоиров. Но основной причиной была не угроза побега. По воспоминаниям Леопольда Кинцеля, работавшего в лагункте Талица Ивдельлага, «к концу рабочего дня начальник лагеря посылал навстречу шедшим из леса подводу. Полностью обесиленных клали на нее и везли в «зону». Каждый день умирало по 10–12 человек. Начальник их не жалел, но был недоволен, что с учетом умерших ему не снижают план по

¹ О национальном составе заключенных в рабочих колоннах : справка ОУРЗ ГУЛАГа от 10 мая 1945 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1227.

² Положение о порядке содержания, дисциплине и трудовом использовании мобилизованных в рабочие колонны немцев-переселенцев от 12 января 1942 г. // ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960 / сост. А. И. Кокурин и Н. В. Петров. М., 2000.

заготовке леса» [5]. По разным данным, в 1942 г. из числа направленных в «Трудармию» немцев в разных ИТЛ в том же году погибли от 10 до 44 %.

Режим, в котором содержались депортированные немцы, устанавливался по образу и подобию того, который был предусмотрен для осужденных, направленных в ИТЛ. Это подразумевало прохождение регулярных проверок наличия людей по спискам колонны. Даже десятиминутное отсутствие или опоздание в строй кого-либо из их состава предусматривало немедленное объявление розыска с последующим расследованием силами оперативно-чекистского подразделения данного лагеря. Особо подчеркивалось, что в отрядах, колоннах и бригадах дисциплинарные требования приравнивались к самым строгим положениям для воинских подразделений.

Разного рода нарушения, выражавшиеся в халатном отношении к исполнению поручений, трудовых заданий или к поддержанию имущества и орудий труда в полной исправности, пререкания с лицами, назначенными для руководства и управления мобилизованным составом, должны были пресекаться с использованием ряда дисциплинарных взысканий. Назовем их:

- а) личный выговор и предупреждение;
- б) выговор перед строем;
- в) денежный штраф;
- г) назначение на самые тяжелые работы;
- д) арест в дисциплинарном порядке до 20 суток;
- е) строгий арест до 10 суток – стоимость содержания за время ареста удерживается из заработка подвергшегося наказанию;
- ж) предание суду»¹.

В случае назначения строгого ареста провинившегося размещали в одиночной камере и на работы не выводили. Спать он должен был на досках или даже на земле, а теплую пищу получал только раз в двое суток. В те дни, когда ее арестованному не выдавали, он мог надеяться только на краюшку хлеба, чай и воду. Прогулки на свежем воздухе предусматривались, но лишь раз в сутки продолжительностью до 30 мин. Отказ от работы или тем более дезертирство из рабочих колонн для мобилизованных немцев заканчивались привлечением к уголовной ответственности, что предусматривало наказание вплоть до расстрела.

При разработке соответствующих правил и положений практически никогда не подвергался сомнению тезис о том, что главной задачей, стоящей перед колоннами спецпереселенцев, является работа, обеспечивающая выполнение производственных планов и норм. Для достижения этой цели продолжительность рабочего дня определяли не менее 10 ч. Дни отдыха были вынуждены предоставлять, как правило, раз в 10 дней, но использовали их для обязательных культурно-воспитательных и банно-прачечных мероприятий.

Реализация последней позиции явно «хромала». Так, по итогам проведенной в феврале 1942 г. инспекции Бакальского ИТЛ в Челябинской области выяснилось, что жилые землянки там погрязли в антисанитарном состоянии, помывка в бане мобилизованных и осужденных была формальной и не обеспечивала достаточной санитарно-гигиенической обработки [6, с. 563]. Недоставало нормативного количества умывальников, уборных и помойных ям, а дезокамеры и прачечные вообще отсутствовали, что при-

¹ Положение о порядке содержания, дисциплине и трудовом использовании мобилизованных в рабочие колонны немцев-переселенцев.

вело к загрязнению территории лагеря. В итоге ее обитатели были «завшивлены», а из-за отсутствия чистой питьевой воды пили в сыром виде воду из реки, что вызывало желудочно-кишечные расстройства и болезни [4, с. 43–44].

Из доклада начальника УНКВД Чкаловской области В. И. Дмитриенко заместителю наркома внутренних дел Б. З. Кобулову от 8 января 1943 г. мы узнаем, что, помимо отмеченного выше, в местах расселения немцев-спецпереселенцев не все жилые помещения имели крыши, бараки были перегружены вдвое, процветали болезни. «Вследствие отсутствия пекарен мобилизованным немцам выдавалось 300 г хлеба в день, остальное они получали сырым тестом. В некоторых случаях в течение нескольких дней они не получали и этого. Все это привело к массовым отказам от выхода на работу и невыполнению производственных планов» [7, с. 45].

Схожей была ситуация с рабочими батальонами немцев, закрепленными за предприятиями гражданских наркоматов. Из-за плохих условий содержания в них за 1945–1946 гг. умерли или совершили побег 41 539 чел. В значительной мере эти показатели зависели от отношения к ним со стороны командования. Известно, что начальник Тагилстроя НКВД СССР генерал-майор Царевский заботился о спецконтингенте, «спас от голода и истощения уцелевших после невыносимо трудной зимы 1942–1943 годов». Как следствие, побег и акции протеста там были крайней редкостью. А начальник Челябинметаллургстроя генерал-майор Комаровский в числе основных методов взаимодействия с трудармейцами ввел расстрелы даже за самые малые провинности. И неудивительно, что их дезертирство там стало обыденным явлением, тем более что на многих предприятиях и в колхозах, где был острый дефицит рабочих рук, покинувших трудовые колонны принимали без документов.

Любопытно, что в период 1945–1946 г. было репатриировано 68 489 немцев, причем не только из числа интернированных, но и трудомобилизованных граждан СССР. В итоге количество рабочих батальонов сократилось в полтора раза (с 221 до 151), а численность их контингента – с 208 239 до 98 211 чел.¹

Отметим, что в исправительно-трудовых лагерях содержались и военнопленные немцы. Согласно Положению о военнопленных от 1 июля 1941 г., из их числа в обязательном порядке привлекались к труду только рядовые и унтер-офицеры. Офицеры и приравненные к ним лица могли работать, но лишь по собственному желанию. На таких военнопленных распространялись постановления об охране труда и рабочем времени, применяющиеся к гражданам СССР [8, с. 230–231]. В отличие от пленных немцев, мобилизованные немцы-переселенцы были обязаны не просто выполнять установленные производственные нормы, но и отработать полную себестоимость своего содержания в лагере.

Не стоит полагать, что лишённые семей, изнуренные тяжелым трудом и ужасными бытовыми условиями люди безропотно несли свой «тяжкий крест». Недовольство время от времени прорывалось в разных формах. Чаще всего это было мелкое вредительство, саботаж, но отмечались и отдельные акции массовых протестов, выражавшиеся в отказе от выполнения производственных норм. В связи с этим вскоре вышел Циркуляр НКВД СССР от 14 июля 1943 г. № 363 «Об усилении борьбы с отказами заключенных от работы». В нем подчеркивалось, что подобные дисциплинарные нарушения в условиях военного времени должны оцениваться как особо опасные уголовные преступления и соответствующим образом наказываться².

¹ См.: Российский государственный военный архив. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 1. Л. 41, 45, 47.

² См.: ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1227. Л. 223.

Для того чтобы как-то стимулировать такой рабский труд были предусмотрены и некоторые, правда, очень скромные формы поощрения. В частности, за выполнение и перевыполнение производственных норм труженики отряда могли надеяться на благодарности, улучшенное питание или условия проживания, а также на снабжение постельным бельем. В особых случаях производилось премирование одеждой, предоставлялось право переслать семье часть заработка, полученного сверх установленной полной себестоимости содержания в лагере. Однако система поощрений, безусловно, уступала практиковавшейся системе наказаний.

Е. А. Ковалева подтверждает: «Нередко в ИТЛ содержались разные контингенты – мобилизованные немцы, иностранные военнопленные, заключенные, которые совместно выполняли работы в рамках общих экономических задач, поставленных перед лагерем. В отличие от колоний, подчинение которых было территориальным, подчинение лагерей определялось их производственным профилем» [4, с. 34]. Например, контингент Бакальского исправительно-трудового лагеря (Бакаллаг), строивший Челябинский металлургический и коксохимический заводы, подчинялся Главному управлению лагерей промышленного строительства, состоял в основном из мобилизованных немцев. Общее их количество на 31 января 1942 г. составляло 42 373 чел. [9, с. 155].

Как и в Бакаллаге, в ИТЛ Рудбакалстроя, располагавшемся на станции Бакал Южно-Уральской железной дороги, основу «населения» лагеря составляли мобилизованные немцы. Через Богословлаг (Свердловская область) с 1941 по 1946 год прошло 20 711 чел. (29,3 %), через Тагиллаг (Челябинская область) с 1942 по 1946 год – 7 249 трудмобилизованных немцев (7 % от всего состава), в ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой с 1942 по 1946 год – более 38 000 чел. (42,2 %). По разработанным планам последний из этих лагерей должен был быть укомплектован исключительно трудармейцами [10].

Необходимо отметить, что на территории Урала размещалось 9 из 15 исправительно-трудовых лагерей Советского Союза, где содержался контингент из числа трудмобилизованных. В Бакальском ИТЛ (Челябметаллургстрой) сконцентрировалось наибольшее количество мобилизованных немцев по стране. На 1 июня 1942 г. их число составляло 99 % от общего количества трудившихся¹. К 1944 г. данный показатель снизился до 65 % [11, с. 77–78]. При этом характерно, что по месту рождения большая часть состава трудмобилизованных была представлена Поволжьем (46,4 %) и Украиной (35,7 %).

Мобилизованные немцы использовались и на работах треста «Туймазанефть» Башкирской АССР. Так, в период с 1 октября 1944 г. по 1 апреля 1945 г. на предприятии работало 333 чел. из числа мобилизованных². К 1 июня 1944 г. в лагере Челябинского металлургического строя содержалось 20 704 мобилизованных немца, 9530 – заключенных, 1537 – мобилизованных из Среднеазиатского военного округа. Сведения, приведенные в таблице, подтверждают, что около 57,6 % всех мобилизованных в рабочие колонны немцев были распределены в лагеря НКВД СССР. Если учесть, что остальное их количество было «распылено» в 22 наркоматах и ведомствах, то руководящая роль ГУЛАГа не подвергается сомнению.

Несмотря на некоторое снижение численности, мобилизованные немцы продолжали оставаться основной категорией контингента ИТЛ Челябинского металлургического строя и в послевоенные годы. В приказе начальника лагеря от 19 сентября 1946 г. отмечено: «Все бывшие

¹ См.: Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р – 1075. Оп. 1. Д. 200. Л. 87; Ф. 1619. Оп. 2. Д. 4. Л. 57–58.

² См.: Национальный архив республики Башкортостан. Ф. 122. Оп. 25. Д. 40. Л. 15.

трудмобилизованные в рабочие колонны немецкой национальности с 01.04.1946 переведены на положение спецпоселенцев и закреплены на предприятиях ЧМС и СУ-859, как вольнонаемные, с вытекающими отсюда правами и обязанностями. Другие национальности, кроме немецкой... переведены на вольнонаемное положение и... не должны числиться спецпоселенцами. Правовое положение спецпоселенцев определено Постановлением СНК СССР от 08.01.45 № 35»¹.

Таблица

Численность немцев-трудармейцев на объектах НКВД СССР и других наркоматов в 1942–1945 гг.*

По состоянию на	В НКВД СССР	В других наркоматах	Всего
01.01.1942	20 800	–	20 800
01.07.1942	120 722	–	120 722
01.07.1943	104 276	112 075	216 351
01.01.1944	106 669	118 376	225 045
01.06.1944	107 214	120 094	227 310
01.05.1945	96 600	около 123 000	около 219 000
Всего мобилизовано за годы войны	Свыше 182 000	Свыше 133 000	Свыше 316 000

* *Источник:* История немцев России. URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/21/63> (дата обращения: 04.02.2023).

В 1947 г. трудовую армию расформировали. (Официально этот термин не применялся, но в повседневном общении его использовали, памятуя о подобных формированиях периода гражданской войны.) Этническим немцам разрешалось вернуться в изначальные места поселения, если они расположены в удаленных от крупных городов регионах. Однако вскоре по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. № 133/12д № 111/45 все представители национальностей, высланных в годы войны, были приговорены к вечной ссылке. Устанавливалось, что попытки побега из этих мест подлежат наказанию в форме направления на каторгу сроком 20 лет². Перед смертью И. В. Сталина и последовавшей за этим массовой амнистией в качестве спецпоселенцев числилось более 1200 тыс. немцев. Ограничения для депортированных немецких переселенцев отменили в конце 1955 г. При этом в соответствующем Указе Президиума Верховного Совета СССР уточнялось, что это решение не предполагает «возвращения имущества, конфискованного при выселении», но запрещает возвращение в места, откуда граждане были выселены [5].

Подводя краткий итог, следует признать, что в действительности положение трудмобилизованных и заключенных в исправительно-трудовых лагерях было практически идентичным. Это касалось как неудовлетворительных условий содержания, так и отношения со

¹ ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 2. Д. 44. Л. 86; Оп. 1. Д. 396. Л. 132–133.

² См.: Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, высланных в отдаленные районы СССР в период Отечественной войны : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. № 133/12д № 111/45 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза ССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4727.htm (дата обращения: 21.01.2023).

стороны лагерной администрации¹. Но если обычные осужденные по уголовным статьям часто после истечения срока заключения могли вернуться на родину, то трудомобилизованные из числа репрессированных национальностей такого права были лишены. Позже большинство из них были реабилитированы, национальные автономии восстановлены, но республика немцев Поволжья так и не возродилась. Большинство ее бывших жителей остались проживать на Урале, в Восточной Сибири и Казахстане. И нужно отдать должное, их вклад в укрепление экономики страны был по-настоящему достойным уважения.

Если же оценить отношение властей к «русским» немцам в течение Первой и Второй мировых войн, то можно проследить кардинально отличающиеся подходы. В первом случае, разумеется, также повсеместно испытывали определенное недоверие к русским подданным, представляющим национальности, воюющие против России. Но это никогда не являлось поводом для всеобщих обвинений, огульного заточения в лагеря и тюрьмы. В период же Великой Отечественной войны представители немецкой национальности раньше всех репрессированных народов подверглись дискриминации и позже всех от нее освободились. Характер исполнения избранных для них санкций нередко был жестче, чем в отношении реальных предателей или уголовных преступников. Отмечается, что в результате принудительного переселения Автономная республика поволжских немцев не была восстановлена, но в Омской области, Алтайском крае и в северных регионах Казахстана до распада СССР немцы по численности были второй национальной группой. Оценка, согласно которой «депортация, ставшая в условиях войны грубой неадекватной перестраховкой сталинского режима» [12, с. 169], имеет полное право на существование. Историко-правовой урок этих событий свидетельствует о том, что в условиях современных политических конфликтов подобные решения не должны приниматься.

Список источников

1. Вашкау Н. Э. Немцы в России: история и судьба. Волгоград : Волгоградский государственный университет, 1994. 73 с.
2. Волюнец А. Карательные меры против всего немецкого населения Поволжья... // ТАСС. 2021. 27 авг. URL: <https://tass.ru/opinions/12224443> (дата обращения: 10.01.2023).
3. Кузьминых А. Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 годы) : монография. Вологда : Древности Севера, 2016. 527 с.
4. Ковалева Е. А. Исправительно-трудовые учреждения на территории Южного Урала в 1941–1953 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2017. 222 с.
5. Шмараева Е. Народ выходил смотреть на нас: «Фашистов везут». Краткая история этнических немцев в ГУЛАГе. Война // Deutsche Welle. 2016, 16 нояб. URL: <https://notabler.livejournal.com/606328.html> (дата обращения: 21.01.2023).
6. Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД СССР. 1941–1951 / под ред. М. М. Загоруйко. Волгоград : Альянс «Югполиграфиздат», 2006. Т. 5. Кн. 2. 1086 с.
7. Кутякин С. А. Историко-документальный анализ вклада в победу в Великой Отечественной войне труда заключенных и лиц, мобилизованных в рабочие колонны ГУЛАГа НКВД СССР // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30(1–4), № 1. С. 41–47.
8. Суржикова Н. В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2006. 499 с.

¹ См.: ОГАЧО. Ф. Р – 1619. Оп. 2. Д. 4. Л. 43, 70.

9. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960 : справочник / сост. М. Б. Смирнов. М. : Звенья, 1998. 597 с.
10. Кириллов В. М., Разинков С. Л. Трудмобилизованные немцы в лагерях Урала: историко-сравнительный анализ. URL: <https://gedenkbuch.rusdeutsch.ru/upload/files/Issledovania/034.pdf> (дата обращения: 20.01.2023).
11. Гончаров Г. А. «Трудмобилизованный» контингент исправительно-трудовых лагерей Урала в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2012. № 25(279). С. 75–81.
12. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / сост. В. А. Ауман, В. Г. Чеботарева. М. : МИГУП, 1993. 447 с.

References

1. Vashkau, N. E. 1994, *Germans in Russia: History and fate*, Volgograd State University, Volgograd.
2. Volynets, A. 2021, 'Punitive measures against the entire German population of the Volga region', *TASS*, 27 August, viewed 10 January 2023, <https://tass.ru/opinions/12224443>.
3. Kuzminykh, A. L. 2016, *Military captivity and internment in the USSR (1939–1956): monograph*, Antiquities of the North, Vologda.
4. Kovaleva, E. A. 2017, *Correctional labor institutions on the territory of the Southern Urals in 1941–1953: PhD thesis (History)*, Orenburg.
5. Shmaraeva, E. 2016, 'People came out to look at us: "Fascists are being driven." A brief history of ethnic Germans in the Gulag. War', *Deutsche Welle*, 16 November, viewed 21 January 2023, <https://notabler.livejournal.com/606328.html>.
6. *Regional structures of the GUPVI NKVD-Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1941–1951* 2006, vol. 5, iss. 2, M. M. Zagorulko (ed.), Alliance "Yugpoligrafizdat", Volgograd.
7. Kutyakin, S. A. 2022, 'Historical and documentary analysis of the contribution to the victory in the Great Patriotic War of the labor of prisoners and persons mobilized into the working columns of the GULAG of the NKVD of the USSR', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 1, pp. 41–47.
8. Surzhikova, N. V. 2006, *Foreign prisoners of war of the Second World War in the Middle Urals*, Humanitarian University, Yekaterinburg.
9. Smirnov, M. B. (comp.) 1998, *The system of correctional labor camps in the USSR, 1923–1960*, Handbook, Moscow.
10. Kirillov, V. M. & Razinkov, S. L. n.d., *Labor-mobilized Germans in the camps of the Urals: historical and comparative analysis*, viewed 20 January 2023, <https://gedenkbuch.rusdeutsch.ru/upload/files/Issledovania/034.pdf>.
11. Goncharov, G. A. 2012, 'The "labor-mobilized" contingent of correctional labor camps in the Urals during the Great Patriotic War', *Bulletin of Chelyabinsk State University, History*, iss. 25(279), pp. 75–81.
12. Auman, V. A. & Chebotareva, V. G. (comp.) 1993, *History of Russian Germans in Documents (1763–1992)*, MIGUP, Moscow.

Информация об авторе

Ю. А. Реент – доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры филологии и истории.

Information about the author

Ju. A. Reent – Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Philosophy and History.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 05.02.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 28.07.2023.

The article was submitted 05.02.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 28.07.2023.